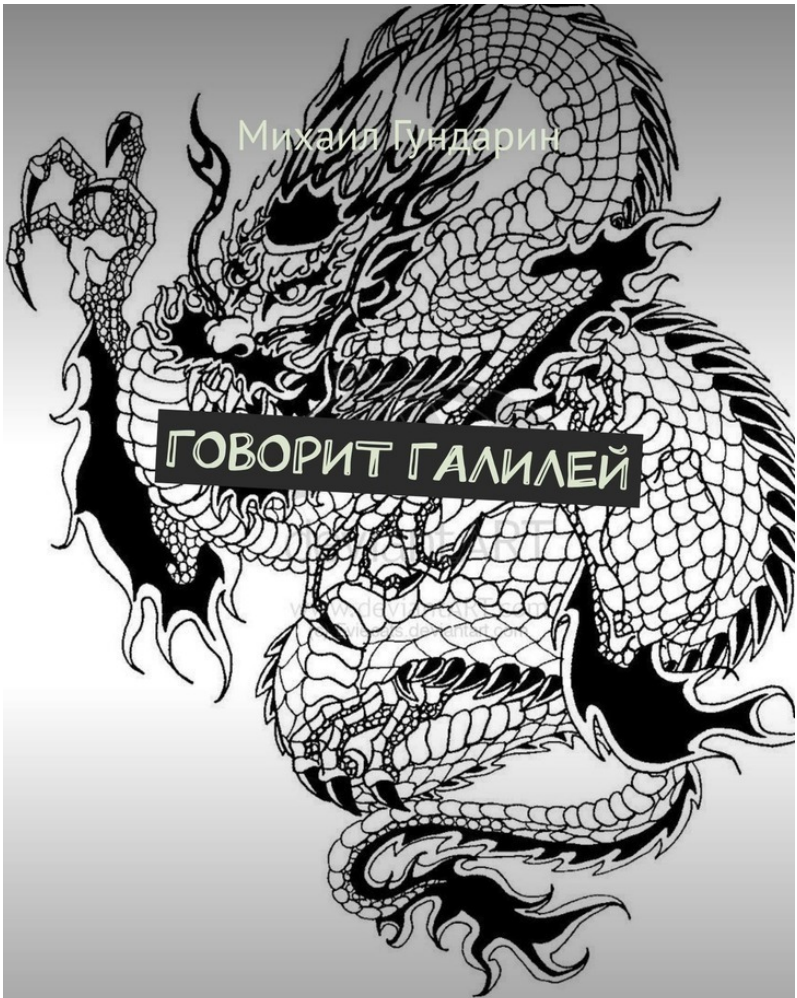

Михаил Гундарин

ГОВОРИТ ГАЛИЛЕЙ

Михаил Гундарин Говорит Галилей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63470842

ISBN 9785005189868

Аннотация

1987 год. Империя еще держится, но уже начинает трещать по швам. Студент провинциального филфака по прозвищу Галилей пытается разобраться в себе и происходящем вокруг. Кажется, проснулся гигантский Дракон, и вот-вот разнесет все в клочки. А может быть, Дракон – это он сам?

Содержание

Глава I. Сплошные отступления	5
Глава II. Прощай, школа!	19
Глава III. Свободный художник	34
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Говорит Галилей

Михаил Гундарин

© Михаил Гундарин, 2020

ISBN 978-5-0051-8986-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга издана при финансовой поддержке

Министерства культуры Российской Федерации

и техническом содействии Союза российских писателей

Глава I. Сплошные отступления

Простые вещи и рассказ о них. – «В» слитно или раздельно? – Почему я не ругаю А. Тарковского и Б. Гребенщикова. – Апология «фельетонного» стиля. – Да, у меня нет жены и детей. – Критика «патриотизма» и «радикализма». – Да, я не занимаюсь сексом с женщинами. – Проблема эпитафия. – Ну, начинаем рассказ!

Вначале скажем вот что: рассказ пойдет о простых вещах. Очень простых, таких, что даже и задумываешься – стоит ли писать о них вообще? Это так начинается первое отступление. Оно начинается даже раньше, с самого первого слова: как его писать, «в начале» или «вначале»? Глупость, кажется, да, однако, выходит, что и нет.

Ведь если мы пишем «в» отдельно, то получаем какую-то математически последовательную штуку, которую можно характеризовать вроде бы даже компьютерными или типа компьютерными словами – «развертка строк» и так далее. Пишем «в» – и понеслось само по себе начало. Старт дан, полосатый, а лучше шахматной расцветки, как на автогонках, флажок произвел отмашку – и все идет строка за строкой. Для читающего же – минута за минутой, начиная с той самой заглавной буквы. Стартового столба.

Зато если писать первое слово вместе – «вначале», – то выходит все как-то мягче, обволакивающе. И тут уже не от строчки к строчке, сверху вниз скользит – сперва мое компьютерное перо, а после и всякий любопытный глаз, – но как-то иначе. Какими-то тайными тропами внутри скалы текста, от буковки к буковке. Так я любил в раннем детстве, едва только читать научился: пройтись взглядом через все, положим, «а» или «о», расположенные на странице. Смысла в этом немного, но интересно. А может быть, в этом интересе смысл и проявляется.

Сами по себе эти рассуждения я знаю, как можно назвать. Их можно назвать страхом начинать упомянутый уже, проанонсированный рассказ. Пугает более всего не белое поле, покрытое значками (или процесс его «засеивания»), а просто белое поле, безо всего. Всерьез пугает, до истерики. Заполнишь эту белизну, набьешь ее значками под завязку, причем даже неважно, как сгруппированными – построчно или внутрисловно, – и как-то легче станет. Но меня вот ничего из этого не касается! Так что рассуждения о белом и крапчатом не ко мне.

Тогда другой упрек – а может, автору и писать-то нечего по существу, вот и мнется он на одном месте. Тоже вряд ли. Мне-то кажется, что любому есть о чем рассказать. Возьми да рассказывай. Ну а если у меня – не лично у меня, а у того, который о себе сейчас рассуждает в жанре «писатели о писателях», – как-то так устроены органы коммуникации, что

не голосовым аппаратом я издаю нечто, а руками, бьющими по клавиатуре, – то что с того? Различие непринципиальное. У меня так даже ловчее получается. И здесь все в порядке!

Тогда еще одно – не является ли то, что предстоит прочесть кому-то ниже (сколько местоимений!), таким срыванием всех и всяческих масок с правил последовательного, и даже не последовательного, но все-таки излагания? Не запущу ли я сюда миллион каких-то странных существ, может быть, эльфов или (воспоминание из детства) «гарантийных человечков» Э. Успенского? Чтобы они, снуя туда-сюда, создавали эффект оживления, обнажения приема? Нет, не запущу.

Но что да, то да – «рассказывать рассказ» прямо так, с ходу, у меня не очень получается. Как-то даже неловко. Тут, я полагаю, нечто вроде телефонного этикета с примесью советских интеллигентских предрассудков – мол, сначала о здоровье, о делах, а потому уже о деле. Повременная оплата со всем этим покончила, однако сами советские времена упомянуты не случайно. Делаю следующее заявление – это будет рассказ о практически советских временах. О перестроечном времени. 1987 год. Такая точная дата. И тут впадаем во второе отступление.

Сейчас (то есть в конце 2006 года) как-то модно стало бранить кумиров того времени. Как бы счеты с ними сводить. Вот, например, Андрей Тарковский. Его кинематографическая манера признается ныне скучной, претенциозной, ба-

нальной. Может, это и правда, однако несколько все же обидно. А потому что, замечу, у авторов нападок уши торчат! То есть всем видно, что нападают они на Тарковского из чистого самоедства, которое еще И. Тургенев (впрочем, кажется, устами одного из героев, то есть не очень взаправду) описал.

Как ребенок душою я стал,
Сжег все то я, чему поклонялся,
Поклонился тому, что сжигал.

Пока не сожжешь – толком не поклонись. И авторы-ниспровергатели, ругая фильмы, книги, музыку, ими некогда любимые, тем самым хвалят и любят себя тогдашних. Реабилитируют себя таким вот хитрым манером. Что, конечно, тоже очень «по-нашему».

Во-вторых, конечно же, нынешняя конъюнктура с любовью ко всему советскому антисоветское, перестроечное, отвергает. Так что упомянутые выше ниспровергатели могут даже нечаянно впасть в милость (а может, этого им и надо...).

Я тоже в свое время Тарковского вкупе с Б. Гребенщиковым и др. ругал. В свое время – это когда время, к описанию которого я надеюсь все же приступить, уже прошло. А нынешнее не настало. Когда же оно настало, вышло, что я все ругательное уже сказал. Теперь хочется просто вспоминать хорошее. Честно признаваться, что в годы нашей юности мы

на многое смотрели по-другому, чем теперь, – и не исключено, что правильнее. Ну а как же иначе? И даже к М. Горбачеву я теперь неплохо отношусь, не то что к Тарковскому.

Хвалиться тут, разумеется, нечем, и в пример я никого никому не ставлю, просто разъясняю свою позицию. Мне кажется, что это было веселое, хорошее время. Как-то мы надеялись на все, совершали какие-то действия. Делали жесты. Насчет переоценки еще можно сказать вот что, слегка перефразируя Ф. Искандера (книгу «Кролики и удавы», появившуюся примерно тогда же, первоначально в журнале «Юность»). Возможно, подлец тот, кто в начале – середине 90-х заявлял о себе как о демократе. Однако еще больший подлец тот, кто в 1987 году себя демократом не считал. Ниже вы прочитаете, что демократом был и я, и многие мои друзья. Обратите внимание – я сказал про 90-е. Теперь воображаемый «подлец» себя, конечно, считает патриотом-государственником. И вот этот «творческий путь» описать было бы тоже интересно. В сатирическом, фельетонном даже ключе. Наверное, это уже сделал кто-нибудь. Вернусь, возможно, к этому замыслу (возникшему ведь именно сейчас, при написании вышенапечатанных строчек!) и я.

Ну а что такое тогда было «быть демократом»? Виделся тут и какой-то революционный путь, маевки, митинги, дубинки нарождающегося ОМОНа. Конечно, присутствовала борьба со «взрослыми», с «консерваторами» по своей природе. С «начальством», образно говоря. Это в России все-

гда любили, особенно молодежь (неужели разлюбили сейчас?). Во всяком случае, тогда это считалось нормальным, было стихией творчества, того, что всегда у молодых людей рвется наружу. Отметим в скобках, что заявленные перемены, волнения наверху и пр. не предполагали серьезной замены строя, слом всего существовавшего и взрастившего нас, всерьез считавшегося нами незыблемым. По большому счету нам и не хотелось ничего менять «по-крупному». «Ведь я внебрачный сын Октября!» – отчаянно кричал тогдашний певец. Хотел, чтобы его усыновили по-настоящему. Хотели и мы. Поэтому после всего случившегося легко почувствовать себя обманутым. Хотя встает вопрос – а кто обманул-то? Взрослые «дяди» в «кабинетах из кожи»? Или мы сами? Задаю вопросы нарочно глупые и потому не даю на них никакого ответа. Каков вопрос – таков ответ.

И еще одно про то время можно сказать – оно совпало с моей ранней юностью. Или так – ранней молодостью. Никогда, честно говоря, не мог разделить эти два понятия. Юность, наверное, наступает раньше и длится меньше. Молодость, она, как известно, вечна. А до 35 лет и вовсе законодательно оформлена в ряде отраслей (молодой ученый, молодой литератор).

В общем, как о том будет сказано и ниже, в 1985 году, когда все это началось, я закончил школу. Как и многие мои друзья, действующие лица рассказа. Совпало это со многими вещами, например, с пресловутой антиалкогольной кам-

панией, которая нашу «юную жизнь», конечно, затруднила. В чем-то. А в чем-то сделала, как это и можно предположить, более интересной. Я даже не представляю, как взрослеть иначе, чем вместе с большими переменами в окружающем мире. Если писать «роман воспитания», то хорошо использовать параллельный монтаж. Любовная записка – а рядом стенограмма какого-нибудь дискуссионного клуба. Или даже Девятнадцатой партийной конференции (помнит ли еще кто-нибудь о такой?). С другой стороны, этот прием уж очень хорош не для художественной, а для научной книги в современном духе. Действительно, объявить по всей стране сбор личных документов, тех же записок, дневников, писем – и сопоставить их с официозом. У меня у самого хранятся письма друзей из армии, очень интересные уже потому, что тогда армия была, по их позднейшим словам, настоящим островом, куда никакие перемены не доходили. И вот кто-то что-то услышит, потом передаст, обрстет по дороге все это слухами и мнимыми подробностями, а потом еще будет описано в частном письме – и любопытная фактура получается! Фантастическая!

Так, один из товарищей (теперь он университетский преподаватель) писал мне из рядов Вооруженных Сил – хорошо это, что «Макара» (т. е. Андрея Макаревича) по радио крутят (он в ленинской комнате слышал), но мало, чертовски мало! Нужно 24 часа в сутки!

Впрочем, некоторым из нас уже тогда было жалко, что

подпольное стало становиться всеобщим. Как писал один из моих многочисленных приятелей-стихотворцев: «На всех углах поет Гребенщиков. Я был к такой подлянке не готов!» Но потом писал, когда юность уходила. Подумать только: к 20 годам мы успели приобщиться к запретному, элитарному, и его прилюдно утратить, невольно передав в руки всех и каждого! Серьезная потеря, хорошо бы ее описать!

Еще лучше бы это выглядело от лица героини. Возьмем провинциальную девушку, юную, красивую, с таким каким-то не очень банальным овалом лица, блондинку. Грудь, ноги, талия. Утрирую, конечно. Хотя, в отличие от тогдашних времен, нынче это было бы кстати. Тогда-то нам в литературе совсем другие женщины нравились, такие, как у Булгакова или Кортасара. То есть, с одной стороны, загадочные, заманивающие, а с другой – этакие «медвежата» в свитерах и джинсах. И то и другое вполне можно списать на возраст и влечение к женщинам как раз двух этих типов – к взрослым и сверстницам. И на успехи, а чаще неуспехи у них.

Но вот воображаемая героиня. Как она делает первые шаги по жизни (здесь-то, для простоты картины, метафора движения-перемещения вполне бы сгодилась). Конфликт с родителями, увлечение героем того времени, каким-нибудь рокером. Тогда рокеры были длинноволосые и мечтательные, как Б. Гребенщиков. Густо покрашенные, как В. Бутусов. Очень привлекательный для меня образ! И как рушится все вокруг, мир ее родителей прежде всего. Но никто ничего

не замечает, хотя внутренний огонь, огонь не вещей, но хода вещей, уже выжег существование изнутри (аллюзия на того же БГ). Доходит он и до ее мира, пусть пока только на подступах, на границах. Стены детства его сдерживают. Но она сама должна их разрушить, впустить это слишком бледное (незаметное) для нее пламя (о том, как оно уничтожает, выжигает, ей невдомек). Таков закон юности. Сила природы.

Однако (и тут нет противоречия, я после объяснюсь) нельзя вступить дважды в одну и ту же реку. И сейчас я не смогу вообразить в полной мере, как чувствовал и как вел себя юный человек того времени. Рассказ же мой – совсем иное дело. Он, конечно, не документальный, не мемуарный. Но восстановлено, реконструировано в нем все, насколько получилось, точно и честно.

Возможно, на всем этом материале можно было бы написать роман-памфлет. Или, еще лучше, фельетон. Меня вот за мои какие-то ранние опубликованные вещи не раз называли фельетонистом. Что это значит? Очевидно. Известная бойкость пера, из разряда «за словом в карман не полезет». Гладкость стиля. Или даже «прозрачность» – как говорилось когда-то, чтобы сквозь стиль было заметно все до доньшка содержание, не искаженное всякими мудреностями и изысками. Конечно, это рассуждение из разряда анекдотов про Н. Хрущева и современное искусство («Хочу видеть на картине лицо, причем красивое, человеческое, а вижу жопу». – «Так это ж зеркало, Никита Сергеевич!»), но для фельетониста

вещь необходимая. То, что к фельетонистам относили и Ф. Достоевского, всякому обвиненному в фельетонизме приходит на ум прежде всего. Но это, как говаривали нам в детском саду и школе, не оправдание! К тому же Достоевский писал, по нынешней терминологии, не полицейские, но политические романы. То есть место его рядом с А. Прохановым. Фельетонизм – совсем другое.

И в любом случае он больше подходит нам, нынешним провинциалам. Я даже думаю, что принципиальный (и успешный при этом) отказ от фельетонного стиля предполагает наличие каких-то совсем особых свойств, которыми обыкновенный провинциальный журналист, отец двоих детей, дважды же женатый, обладающий брюшком и бородой (то есть возможный я, и только по случайности не я вовсе), не обладает заведомо.

Ну, к примеру, речь может идти о некоей глубине. А я просто не вижу того направления, в которое можно углубиться. Негде рыть ямку. Причем совсем не важно, для чего эта ямка будет предназначена – для поиска ли, образно выражаясь, Грааля или для зарывания недостойных – опять же образно выражаясь – лика земли предметов и явлений. А вот совершенно это все равно! Куда и где рыть, вот что важно. Некуда и негде. Потому и скольжу, как выражаются критики, по самой поверхности, не замутненной изысками стиля. Чтобы было горячо, но все же не обжигающе, чтобы под пятками земля не дымилась. Фельетонно скольжу!

Плохо при этом – разумные ограничивающие рамки тоже быть должны! – если фельетонный стиль не более чем подделка. Как у популярного некоторое время назад Х. Мураками. Подделка изысканная, не спору. Но, может быть, даже слишком изысканная, совершенная. Когда копия становится лучше оригинала – это уже отдельный сюжет, это игра, сегодня не актуальная, да и вообще глупая. Фельетон же подделывать и вовсе нелепо, все равно что рисовать фальшивый советский рубль. Да, высоко я жанр не ставлю. Он на многое и не претендует. Но хочется какой-то подлинности, а не ее имитации. Хочется, чтобы пишущая машинка или компьютер не новой модели стучали без передышки, чтобы папиросный дым вился кольцами, а окно выходило на заснеженный пригорок или освещенный луною темный сад. Вот такая мечта. Такое русско-японское начало (модная в 90-е годы параллель, «Особенности нац. охоты-рыбалки», Пелевин и др.).

И тот рассказ, который вы прочтете, надеюсь на это, будет таким же. Подлинным и искренним. Что, усилю мысль, по моему, не очень плохо. Даже, мне кажется, и хорошо. Но вот чего там не будет, так это всяческой чуши, связанной с насилием, патриотизмом и поисками действующего героя. Если мои слова про подлеца-«патриота» еще можно отнести к запальчивым и даже провокационным, то вот про авторов таких «р-революционных экшенов» говорю прямо: подлецы. И одно радует – уже непопулярные в нынешней обстановке

всеобщей нормализации подлещи.

Соблазнительно и гнусно современное насилие, фельетонное в плохом смысле слова, то есть неглубокое, но насыщенное!

Мне ли не знать про насилие – как знает у нас в России всякий, имеющий несчастье отличаться от всех остальных. Вот еще одна обманка: если я отличаюсь, то неужели от всех сразу? И вот такая ерундовая вещь, как мой принцип выбора сексуальных партнеров, определяет отношение ко мне общества! Смешно! В моей жизни секс никогда не занимал особенного места. И ведь понятно же, что у многих так, а весь секс-бум не более чем индустрия, очередной способ делания больших денег. Что это имеет общего с сугубо индивидуальной, единственной и неповторимой маленькой смертью, как называют оргазм французы! Увы, и это талантливое определение просто затерто до дыр. Все той же индустрией культуры, мелющей всех нас поминутно в своих жерновах. Если вдуматься – смерть-то есть смерть, большая, маленькая, неважно. Все равно муки ада, постоянное уничтожение и постоянное же воскрешение для следующей тут же новой смерти.

Так что я на невинных мальчиков не покушаюсь, мне вообще нравятся люди более взрослые. Говоря «люди», то есть приравнивая «man» (homini) к «man» (masculinum, латынь абсолютно произвольна), я невольно становлюсь в сексистский ряд. Но честное слово, это тоже случайность, такая же,

как сам мой выбор, как моя внешность, в общем, завидная. В двух словах: мой рост – 185 см, вес стараюсь держать в норме, нижнюю половину лица мне закрывает густая черная борода, а большую часть верхней – очки в тяжелой оправе.

Но вернемся к литературе, а в частности, к нижеследующему рассказу. Я думал об эпитафье, но на ум приходили только слова И. Бабеля, которые один из моих любимых писателей Г. Газданов поставил эпитафьом к первому изданию своего романа «Ночные дороги»: «И, вспоминая эти годы, я нахожу в них начала недугов, терзающих меня, и причины раннего, ужасного моего увядания».

Но для возможной интриги говорю сразу – этот эпитафьом мною был отвергнут как слишком понятный, слишком раскрывающий суть и даже сюжетное движение моего романа-фельетона. Может быть, я угадал и логику Газданова, не публиковавшего эпитафьом в книжных изданиях?

Так вот, рассказ пойдет о простых вещах. Просто хроники одного человека в одном времени. Такой вот конституционный принцип (один человек – один голос). Голос у каждого из нас один.

И мог бы этот человек-голос начать вот как: «В 1987 году, когда мне было девятнадцать лет, старая жизнь закончилась, и началась новая. Совсем иная. И не только у меня». Так что обещанный рассказ будет посвящен этому перелому, этому осознанию, отбору из миллиона случайностей одной, только одной, но – ставшей судьбоносной.

Еще один, почти последний, пример. Гораздо позже описываемых событий, в 1997 году, я перенес непростую операцию. Прошла она к тому же неудачно, так что врачи всерьез беспокоились за мою жизнь. Я очнулся во время затянувшейся процедуры, прямо на операционном столе – и это было ужасное пробуждение! Дикая боль и невозможность в буквальном смысле пошевелить ни рукой, ни ногой. Тут же мне дали новый наркоз, но эту секунду или даже миллисекунду я никогда не забуду. Вот такой же миллисекундой, только растянувшейся очень надолго, и стали для меня поздние восьмидесятые годы. Для меня ли одного?

Глава II. Прощай, школа!

Опасный переход. – Н. Ростова и дед Щукарь. – Первые потери. – Как я не спас котенка. – Я помню этот торшер! – Я краду белый карандаш. – Главные книжки детства. – Набоков и география. – Новая история на заднем сиденье. – Как дела, брат?

Я учился в трех школах. Все они были похожи одна на одну в общем, но в частностях существенно различались. Поступил я в школу номер 68. Поступил рано, в шесть лет. Не то чтобы отличался какими-либо выдающимися способностями, просто не с кем было меня оставлять. Школа была построена за 10 лет до моего в нее прихода – в 60-х годах, по типовому для того времени проекту. Так же как следующие мои школы, совершенно одинаковые, под номерами 84 и 88, были типовыми проектами уже 70-х.

В школу нужно было ходить через улицу Петрова с чрезвычайно оживленным автомобильным движением. Улицу, очень опасную даже по тем временам! Плюс хозяйственный магазин, один из самых больших в городе, рядом со школой. Туда все время парковались какие-то тяжелые машины. Контейнеровозы и прочие. При этом, конечно, в самом магазине было шаром покати. И еще – с той стороны, откуда я приходил, были все небольшие, так называемые «частные» дома.

А напротив громоздились дома ранних и средних шестидесятых. Было похоже, что вот этот вал, этот поток массовой застройки накатывался на «частный сектор», но остановился перед улицей Петрова (на четной ее стороне). На нечетной стороне родители снимали комнату у старых знакомых, ожидая квартиру в новостройках от отцовского завода.

В общем, если удавалось миновать машины, идущие слева направо, потом трамваи, потом машины справа налево, появлялся шанс добраться до школы. Трехэтажной, кирпичной. С кирпичной же полуверандой – стеной, выступающей от основной стены вдоль крыльца на пару метров. Из нее, следуя неясным законам эстетики, строители убрали несколько кирпичей в произвольном, но как бы шахматном порядке. (Такое же оформление можно встретить у некоторых пятиэтажек-«хрущевок».) На стене школы красовалась мозаика, изображающая спутники, чертящие трассирующие орбиты, космонавтов в шлемах, все это почему-то бирюзового цвета.

В школе запомнились большие картонные плакаты, помещенные под стекло на стенах, разделяющих классы и коридоры. Кажется, там были нарисованы герои народных сказок, но и литературные герои тоже. Не помню, имелось ли там что-нибудь вроде первого бала Наташи Ростовой, но вот дед Щукарь был точно. Я уже знал, кто это такой (кино, наверное, смотрел), о чем и рассказал своим одноклассникам. Они, кажется, не поверили. Но прочитать все равно не мог-

ли – не умели. Я был в этом смысле единственным в классе исключением, несмотря на свои шесть лет. Но все равно ребята были интересные. Мы с ними по большому счету ладили. Хорошо прошел Новый год, что-то было такое маскарадное, очень весело. Помню, один парень рассказывал, в школьной столовой, что летом к ним в пионерлагерь приезжали настоящие итальянцы. Мы радостно, вдруг возникшим хором стали кричать дразнилку в рифму – «чао-какао!».

Родители были с утра до вечера заняты на своих заводах, поэтому приходилось мне нелегко. Допустим, утром мать меня переводила через все эти дороги, но возвращаться приходилось мне самому. В продленке же я оставаться решительно не хотел. Там было очень тоскливо, толклись все время какие-то незнакомые, из параллельных классов, люди. Но и дома тоже веселья было мало. В первый же месяц я потерял портфель. Просто забыл его где-то между школой и домом. Остановился передохнуть – и забыл. Благо улица (вернее, проезд Ракетный) была маленькой, портфель нашелся. Тогда, кстати, ранцев не было, все больше портфели. Очень похожие на взрослые. И костюм у меня был, как у взрослого, – темно-коричневая двойка. Синюю школьную форму ввели позже.

Если я умудрился потерять портфель, то про потерю ключей и говорить было нечего. В итоге мне их вешали на шею на длинном шнурке, который я умудрялся терять тоже. Но вот доходил я до двора, отпирал калитку – а во дво-

ре жила большая овчарка по кличке Лорд. Я ее ужасно боялся. Конечно, это был мирный пес, он норовил меня облизать, но нередко валил на землю. И я боялся подняться. Лежал на не мощеном, разумеется, дворе, пока Лорд не отходил по каким-то своим делам. Тогда я бочком, бочком шел к дому и пытался открыть замок. Тоже получалось, между прочим, через раз.

Дома меня ждали несколько кошек и много котят. Я их, признаться, тоже боялся. Помню такую картину – совсем маленький котенок запутался в бахроне покрывала, свисавшего со старого дивана, и стал задыхаться, как в удавке. Его даже вырвало. Я все это наблюдал, чуть не плача. Может быть, даже и заплакал. Но освободить котенка не мог – боялся. За это мне еще и влетело. Между прочим, моя боязнь Лорда доходила даже до такой степени, что я боялся и выйти в туалет, который (как во всяком частном доме) был на улице. Приходилось терпеть – что получалось не всегда. Собственно, я и из класса стеснялся попроситься выйти. Случались поэтому и конфузы.

В этой школе я учился до весны. Тогда отцу наконец-то дали двухкомнатную квартиру в новом доме на окраине, и мы переехали туда. На новоселье нам подарили самодельную чеканку с изображением страшного, вроде ацтекского, идола. А сами мы купили торшер.

Торшер был хорош – два усеченных конуса, соединенных вершинами на манер песочных часов. Самый большой,

нижний конус, обтянутый пластиком, имевший проволочное основание, был бел. Он расширялся книзу на манер юбки. Под ним на маскирующемся под бамбуковое основании-палке были две лампочки, направленные вниз. Палка вырастала из внушительного, обвязанного по боковой грани золотой пластинкой-лентой круглого основания. Заканчивалась эта палка на высоте, наверное, метра семидесяти круглым, значительно меньшего диаметра, чем основание, металлическим кожухом. Как раз из него и торчали две (или даже три) лампочки книзу и одна – кверху. Ее закрывал верхний, маленький конус-абажур ярко-красного цвета. Имелись также два длинных шнура, один белый, другой красный, с продолговатыми пластмассовыми наконечниками соответствующих цветов на конце. Соответственно, после того, как дернешь за белый, загорались лампочки под нижним абажуром – яркий свет. Кажется, там было все-таки три лампочки. Верхний абажур создавал рассеянный, интимный свет.

Квартира наша была, как я уже говорил, двухкомнатной. Комнаты отдельные. Одну отдали мне. С непривычки я долгое время боялся спать один. Потом научился читать под одеялом. Комната была довольно узкой. Один ее торец, противоположный окну, занимал платяной шкаф. В окно, лишенное и форточек, и подоконников, упирался письменный стол. Его покупка была целым событием! Он был обтянут специальной мебельной бумагой светло-коричневого цвета, с древесными как бы прожилками. На верхней плоскости ле-

жало полупрозрачное оргстекло, которое отец принес с работы, а под ним – розовая карта СССР.

Зайдя в комнату, нужно было совершить ловкий маневр между шкафом справа и спинкой дивана прямо. Диван доходил не до самого окна, и поэтому образовывался чрезвычайно уютный закуток, ограниченный спинкой, подоконной батареей и боковиной письменного стола. Там я любил сидеть, прислоняясь спиной к батарее, греясь, читая или играя.

Напротив кровати на стене, сверху донизу, размещалась так называемая (даже в артикуле) «полка школьника» – система лакированных полок разной длины и ширины, крепящаяся на вертикальных металлических носителях с помощью довольно остроумной системы кронштейнов. На полке были все книги, тетради, а в том ее месте, которое примыкало к письменному столу, стоял радиоприемник, включающийся в сеть. Сначала однопрограммный, потом – трех. Я чрезвычайно любил радио. Читал, рисовал исключительно под него. И ничему оно не мешало. Особенно, конечно, любим был «Театр у микрофона» и час детских программ, «Клуб знаменитых капитанов» да даже и «Радионяня». Мораль ее и полезные советы меня мало касались, мне нравились именно голоса ведущих и их странные имена – если не ошибаюсь, двух ассистентов ведущего звали Лившиц и Левенбук. Фамилию ведущего, обладателя чудесного, бархатистого голоса, звучащего и во многих других передачах, я сейчас не вспомню. Просто она относится, видимо, к то-

му сорту слов, которые или помнишь навсегда, или забываешь сразу. И это равно несущественно – они всегда остаются с тобой.

Весной я перевелся в школу номер 84, где учился до окончания первого класса. Школа была типового проекта уже 70-х, совершенно минималистского. Несколько бетонных кубов, соединенных между собою, а сверху полностью покрытых многочисленными камушками, навечно влипшими во внешнюю облицовку. Как, собственно, и мой девятиэтажный дом. Мы, протягивая руку с лоджии, бывало, отламывали эти камешки и швыряли их вниз, пытаясь попасть в кого-нибудь.

Особенно мне эти полгода пребывания в 84-й ничем не запомнились. Разве что тем, что там я познакомился со своим лучшим школьным другом Евгением Б. Я пришел в школу чуть раньше, он – чуть позже. Я спросил его, новичка, в каком доме он живет. Он ответил – в сорок первом. То есть там, где и я! Совершенно театрально я развел руками и грохнулся на пол. Вроде как от изумления. И, кстати, мои одноклассники эту эмоцию и этот спектакль поняли вполне.

Еще одно обстоятельство, относящееся к этому периоду. Читал я хорошо, еще с четырех лет, а вот почерк у меня был да и остается неразборчивым. С точки зрения неких канонов каллиграфии да и просто школьного чистописания – отвратительным. И вот в назидание меня заставляли писать по полстраницы примерно следующее: «Саша хорошо чита-

ет. Маша хорошо пишет».

Машу эту я уже и не вспомню, а обида, присутствовавшая в этом явно непедагогическом высказывании, запомнилась.

Родители по-прежнему работали на своих заводах (вскоре отец перешел в НИИ), и меня отдали в продленку. Тут случился большой конфуз – я украл у кого-то карандаш. Очень красивый, белый. Вышел скандал, с унижительным отчитыванием и торжественным возвращением несчастного карандаша. Не помню, зачем он был мне нужен. Просто, наверное, так он мне понравился, что устоять я не смог, и похищение свершилось автоматически. В общем, и в этой продленке я не прижился. Приходилось возвращаться домой, подниматься на лифте на третий этаж, отпирать несложный замок. Кажется, он не менялся все десять с лишним лет, которые мы прожили в той квартире. Менялись только ключи, теряемые мною регулярно. Они были по-своему очень хороши – длинные, не плоские, а цилиндрические. Головка круглая, с дырочкой посередине и с маленькой выемкой сбоку. Если смотреть сбоку, получался человечек с глазом и ртом.

Ну а в сентябре я пошел, вместе с упомянутым Евгением Б., в только что открывшуюся школу 88. Где и проучился до 10 класса. Школа была точь-в-точь как 84-я, только, конечно, за девять лет я ее обжил от и до. Изучил школьные углы и закоулки, куда прятался, сбежав с урока – преимущественно физкультуры.

Конечно, все это время жизнь шла по этапам, только ча-

стично совпадающим с переходом в следующий класс. И если говорить откровенно, вспоминать о собственно школьной жизни особо нечего. Помню только, с каким нетерпением я ждал окончания уроков, чтобы вернуться домой, забраться в свой уголок и открыть книжку, включив при этом радио. Книжки я читал, кажется, всегда и всюду. И времена как раз разделяются для меня по отношению к способам и обстоятельствам чтения.

Так, в классе третьем я с гордостью объявил одноклассникам, что за четыре дня прочитал «Детей капитана Гранта». Помню коричневую обложку с почти стершимися уже тогда золотыми курсивными буквами. Книга была, во-первых, толстой, а во-вторых – библиотечной, растрепанной, зачитанной. Это придавало ей еще большую увесистость. На приятелей, впрочем, это сообщение ровно никакого эффекта не произвело.

Или еще раньше, в 68-й школе. Нас повели в школьную библиотеку, на знакомство. Потом предложили, записав, взять книги домой. Я выбрал «Школу» Аркадия Гайдара – и мне в ней отказали, сказав, что я еще слишком мал. Это меня и обидело, и удивило. Дома я эту книгу прочитал уже раз пять! Да-да, именно столько, повесть была напечатана в гайдаровском двухтомнике роскошного издания 1949 года. Двухтомник был подарен моему отцу моим дедом, которого я никогда не видел. Кстати, отец читать не любил (разве что дефицитный в то время еженедельник «Фут-

бол-хоккей»), но к моим занятиям относился вполне снисходительно. Гайдар меня уже тогда удивил своим стилем, или, вернее, интонацией. В «Судьбе барабанщика» она совершенно кафкианская. Но и стиль очень хорош, просто блестящ.

Или то, как я впервые пронес книгу в ванную комнату. Это мне запрещалось прямо, но я сначала нарушал запрет, пряча книги под одежду или под полотенце, а потом, к старшим классам, добился относительной легальности занятия. Причем я расчетливо читал в ванне книги библиотечные, которые не жалко. Первым томом, нелегально пронесенным мной туда, была книга о революционере Загорском, ставшем после победы Октября каким-то крупным московским начальником и взорванном эсерами, кинувшими бомбу в зал заседаний. В каком-то советском кино, если не путаю, его играл Валерий Золотухин.

Вспомню еще одну деталь и один эпизод, относящиеся не к школе, но к школьным временам. Деталь такова: очень долго, вплоть до старших классов, моим любимым занятием было рассматривать небольшой атлас мира (политическую карту). Я не то чтобы совершал мысленные путешествия и не то чтобы удивлялся необычным названиям городов и рек. Они мне казались как раз совершенно обычными. По-другому в экзотических странах и быть не могло. Я больше рассматривал цветные пятна, присвоенные каждой стране. Конечно, огромный СССР был розовым. Очень приятно, кстати, цвета. А вот африканские страны, в огромном ко-

личестве размещенные на контуре, живо напоминающем кобуру, были самых различных, пестрых, поистине африканских оттенков. Тут и зеленые джунгли, и синие огромные реки, и желтые пустыни, и коричневые саванны. Я и сейчас думаю, что составители атласа тоже вдохновлялись этими ображениями. Советских географов в таком легкомыслии, впрочем, упрекнуть сложно, но, наверное, сам принцип цветового решения был позаимствован ими из какого-нибудь авторитетного географического издания. Почему-то мне кажется, что британского. Наш атлас в скромной бумажной обложке был издан массовым тиражом «Политиздатом».

Рассматривал я его, в основном спрятавшись в уголок между кроватью и батареей, спиной к ее рельефу. А если болел (а болел часто, почему-то все преимущественно бронхитом), то и лежал в постели, дни напролет. Потом, лет в 17—18, когда я всерьез размышлял, кем мне стать — поэтом, художником или музыкантом, я сочинил об этом стихи, в прямом подражании Набокову. Вот отрывок.

*В детстве часто болел я. Отлично
Помню атлас – цветное кино.
И Китай в полумаске горчицной,
И гренландский медведь ледяной —
Все под стать затяжному бронхиту,
Долгой сказке с хорошим концом.
Парус поднят, и люки закрыты.*

Поплывем. Что ж, теперь поплывем.

И так далее. Комментировать не берусь, и так все ясно. Стихи все-таки неплохие, мало ли, что подражательные. Это тоже, скажу не очень скромно, уметь надо. А вот случай.

В летние каникулы (после класса пятого-шестого) был я отдан дальним родственникам в деревню. Вырванный из привычного окружения (не человеческого, но куда мне более дорогого, вещного), я довольно сильно скучал. И вот, чтобы развлечь меня, не иначе, мой двоюродный дядька вместе с женой и сыном, только что пришедшим из армии, отправились на дальнюю рыбалку. Предполагалось, видимо, что мальчику, будущему brutальному солдату и все такое, нужны мужественные развлечения. Уж конечно!

Они полдня гнали свой желтый «ИЖ-универсал», потом остановили где-то у самого края географии. По моему мнению, дальше деревни ехать было совсем не обязательно, и так далеко до чрезвычайности. Но там располагались замечательные озера, полные каких-то невообразимых даров Нептуна. На самом деле, и я это понимал уже тогда, карасей, подлещиков, чебаков. Я их не различаю, путаю и этим ничуть не огорчен.

Был уже вечер. Моя тетка быстро соорудила какой-то ужин, мужчины выпили. Комары звенели, но не кусались. В общем, было неплохо, но совсем не для меня. Потом все отправились купаться. Я, конечно, плавать не умел, но ска-

зять об этом как-то не додумался. Родители-то в этом смысле на меня совсем рукой махнули и даже не приставали.

Дядька с сыном быстро надули черную резиновую лодку, все, в купальниках и плавках, в нее погрузились и выплыли на середину небольшого озера. И тут выяснилось за чем. По очереди, с полагающимся уханьем и визгом, все мои заботливые родственники покинули ненадежный корабль. Я было открыл рот, чтобы пояснить свою непригодность для подобных забав, так как смутно начинал кое-что подозревать. Но, увы, веселый дядька дернул меня за ногу, и я упал в теплую воду. После чего немедленно стал тонуть.

В первый из двух раз вверху мелькнуло вечернее солнце, стремительно начавшее удаляться прочь.

Я не очень и сопротивлялся, на меня напало какое-то оупение и равнодушие. Тут дядька наконец спохватился и с громкими ругательствами извлек меня наружу, бросив, как мешок, через широкий борт лодки. Тем все и закончилось. Конечно, мои родственники испугались просто ужасно, но при этом и на меня обиделись. Чуть было не подвел их под монастырь. Тем не менее рыбалка все-таки состоялась, а я все ее время провалялся в машине на заднем сиденье, читая единственную книгу, найденную в деревенском доме. А именно старинный учебник «Новая история» за 10-й класс. Между прочим, это была интересная книга, с красивыми, хотя и плохо воспроизведенными, иллюстрациями. Конечно, рассуждения об империализме я пропускал, но вот

рассказы о том, как воевали англичане с бурами или как завоевывалась Африка (с картинками, изображавшими толпу негров с копьями и белых в пробковых шлемах, которые целились в дикарей из тонких длинных ружей), мне очень нравились. Они и были написаны неплохо, вполне ярко и литературно.

И вот школа подошла к концу. Прозвенел последний звонок, и мы, десятиклассники в длинных школьных мундирах, повели первоклашек вокруг школы. Мой друг Евгений Б. умудрился за это время выкурить сигарету, что запрещалось, конечно. Но первоклассникам это было все равно. На физкультуру я ухитрился не ходить три последних года, из-за чего вышел большой скандал, и в моем аттестате появилась единственная тройка. Родители, посоветовавшись, решили, что это будет мне уроком, и никаких мер принимать не стали. За что им спасибо.

Был май 1985 года. Мы шли с первоклассниками по мокрому асфальту. Цвела сирень. Пели птицы. Я не знал, что это за птицы, я всегда в них путался, но сейчас это было совершенно не важно. Единственно, что меня смущало, это необходимость поговорить с мальчиком, которого я вел – а вернее, он меня крепко держал – за руку.

– Что, брат, как дела? – спросил я, собравшись с духом.

– Ничего себе, – серьезно ответил малыш.

Услышавший этот диалог Евгений Б. издевательски захохотал. И в самом деле, получилось по-дурацки.

Так кончилась школа, потому что экзамены, конечно, были формальностью, хотя я здорово нервничал и наделал глупостей, вплоть до того, что получил тройку по литературе за то, что не читал поэму Твардовского «За далью – даль» и не смог этого скрыть. Потом, во время учебы на филологическом факультете, мне, конечно, приходилось обманывать преподавателей и сдавать нечитанные тексты не раз. И знаете ли, угрызения совести меня совсем не мучают!

Глава III. Свободный художник

Филфак в 1987 году. – Дурак ли Горбачев? – Происхождение Галилея. – «ХУ-С» и его члены. – Смысл искусства. – Знакомство с героиней. – Отец и сын. – Случай в лагере. – Отважный физрук. – Бандитская финка.

Была последняя неделя перед зимней сессией. На третьем курсе филфака, где я учился, именно эта сессия считалась самой сложной. И даже роковой. Анналы хранили многочисленные имена срезавшихся и ушедших в аут, именно «земную жизнь пройдя до половины», всего-то ничего не дожив до медианы. Нам нужно было, в частности, сдавать политэкономии капитализма, первую часть исторической грамматики и базовый предмет – «современный русский язык», причем самую сложную его часть – синтаксис. Приятного мало для большинства филфаковцев, исключения в виде разного рода ленинских стипендиатов не в счет... Но ей-богу, в этом декабре экзамены вызывали отвращение даже у них, круглых отличников. Когда вокруг кончается 1987 год, изучение исторической грамматики кажется натуральным издевательством!

Кроме того, и у меня на душе было довольно смутно. Назревало несколько важных решений-поступков, а еще больше все никак не назревало, хотя было им уже пора.

Но – сначала нужно было все-таки разобраться с сессией. А для этого не мешало бы попасть в универ. Как обычно, опаздывая, я мотался по всей квартире, разыскивая то ручку, то галстук. Мой сосед по подъезду Вадим Ж., учившийся на четвертом курсе экономического факультета, равнодушно наблюдал за этим, сидя в кресле и жуя резинку.

– А все-таки Горбачев дурак, – вдруг заявил он. – И сам скоро это поймет.

– Почему это дурак? – поинтересовался я, только чтобы поддержать разговор. То есть чтобы Вадиму было не скучно меня ждать. Ведь вместе толкаться в набитом в любое время дня автобусе целых полчаса куда веселее!

– Да по всему видно. Ни туды ни сюды. Жать надо на все педали, пока не наподдали.

– Кто ему может наподдать-то? – спросил я, уже завязывая синий шелковый галстук перед овальным зеркалом в коридоре. На мне были индийские джинсы, рубашка в полоску, польский полуджинсовый (по виду джинса, на самом деле – нет) длинный пиджак. «Настоящий студент», – одобрительно заметил по поводу моего внешнего вида Вадим. – Да, кто? Он же главный. Он того же Лигачева может в один момент изничтожить, не хочет просто, и вот это плохо.

Вадим презрительно хмыкнул:

– «Главный»! Как же! Там все политбюро против, да и КГБ туда же. Потому и с Лигачевым сделать ничего нельзя. Сдал вот Ельцина, теперь поплатится. А тот, слышь-ка,

собирает себе армию. Еще вернется!

В той комнате, где сидел Вадим (она именовалась «большой»), на проигрывателе под прозрачной крышкой крутился первый диск-гигант «Аквариума», недавно выпущенный «Мелодией». А во второй комнате, по которой была в обычном беспорядке разбросана моя одежда, с черного кассетника «Романтика» звучала длинная песня Майка Науменко «Уездный город N». Ее героями (населявшими этот самый мифический город, вполне современный по своему антуражу) были деятели политики и искусства всех времен, а вместе с ними и литературные персонажи. Что интересно, некоторые из них представляли перед нами в своем обычном облике и совершали то, чего от них ждали (например, Золушка). А некоторые, наоборот, переосмыслились самым коренным образом (например, Флоренс Найтингейл, которую автор отправлял на панель – о, Майк был мастером смеха сквозь слезы!). Но больше всего мне там нравился эпизод с Луи Армстронгом, который приглашает Беатриче пойти потанцевать, они заходят на дискотеку и слышат, как

...главный диск-жокей

кричит: «И все-таки она вертится!»

Вы правы, это Галилей.

Я так часто напевал этот фрагмент, по поводу и без повода, что меня и прозвали Галилеем. Признаюсь, что мне это

чрезвычайно нравилось!

Над кое-как заправленной кроватью, на которой валялся кассетник, висели в художественном беспорядке припиленные булавками к коричневому ковру следующие артефакты: вырезанный из «Огонька» портрет Андрея Белого, цветная репродукция Сальвадора Дали из «Юности» и несколько листочков с моими рисунками. В то время я довольно много рисовал – преимущественно пером и тушью. Подражал (разумеется, на абсолютно дилетантском уровне) Эшеру, Максу Эрнсту, тому же Дали. Хотя главными ориентирами для меня все же были графические иллюстрации из крайне прогрессивной «Юности». Плюс оттуда же цветные воспроизведения (на особых ярко-белых, плотных листах) западных авангардистов и наших нонконформистов, героев «бульдозерных выставок» и разгромов в Манеже. Вдохновившись этим искусством, упорно продвигавшимся редакцией, несмотря на несомненные рогатки цензуры, я довольно близко познакомился с нашими, П-скими, молодыми неформальными художниками. Что мне понравилось, они, как и полагалось, работали кто оформителем, а кто и просто сторожем. Конечно, меня несколько обидело непринятие в их «ХУ-С» (то есть художественный союз, альтернативную «настоящему» Союзу художников организацию). Хотя было понятно, что мои графические почеркушки – это, в общем-то, не повод... Но зато я присутствовал на учредительном собрании «ХУ-Са», состоявшемся весной нынешнего

года в громадном здании бывшей церкви, а потом складе сельхоззапчастей, где по счастливой случайности сторожем был один из неформалов. После съезда я накачался портвейном до самого тяжелого в жизни похмелья в тесной компании безусловных лидеров местного художественного андерграунда – гроссмастеров артели «Улялюм» Бориса Б. (он же и охранял церковь-склад, в последнее время абсолютно пустой) и Антона А.

Однако главным результатом моего общения с художниками я считал даже не это. У Бориса Б. в церкви-складе-мастерской (там же квартировал и Антон А., большую часть времени, впрочем, проводящий где-то в горах) произошло очень перспективное знакомство.

Это случилось буквально пару дней назад. Я сидел у Бориса, был вечер, мы пили крепкий чай, курили, и он, по обыкновению, философствовал. В Борисе мне как раз и нравилось, что он не только занимался живописью, но и любил поговорить об этом (упомянутый Антон А. был крайне угрюм и вообще произвел на меня крайне отталкивающее впечатление – хотя я не мог не уважать его за талант). Борис, одетый в длинный свитер крупной ручной вязки, небрежно указывал рукой куда-то себе за спину, где стояли, прислоненные к стенке, его новые работы. При этом он встряхивал как бы ненароком длинными светлыми волосами, а то и задумчиво сжимал в кулаке свою негустую бороду, размышляя над моим вопросом. Впрочем, вопросов я, очарованный его реча-

ми, задавал немного.

В этот раз он растолковывал мне философию своего нового живописного полотна, форматом примерно метр на два. На картине, которая мне очень понравилась, на ярко-желтом, безоттеночном фоне были изображены в большом количестве мелкие куриные тушки, ощипанные, безголовые, преимущественно вверх ногами. Тушки были ярко-красного цвета. Картина называлась «Вариация на тему Забриски-Пойнт». Я уже знал до этого (из разоблачающих буржуазную массовую культуру книжек с картинками, прежде всего весьма небанальных сочинений А. В. Кукаркина), что «Забриски-Пойнт» – это фильм Микеланджело Антониони про студенческие волнения 1968 года. Культовое как-никак время! Приведен в книжке был и кадр «большого взрыва» с такими же тушками.

Борис снисходительно похвалил мою начитанность и осведомленность. При этом, как выяснилось, фильма он, как и я, не видел, а разглядывал точно такой же кадр в другой книжке на аналогичную тему. И это его вдохновило. Меня, как и других, он именовал не иначе как «чувак». Было что-то в этом обращении от времен хиппи, подпольных сейшенов, хождения по «системе»... Возможно, ничего такого в СССР не происходило (а в нашем городе П. – уж точно). Тем лучше – значит, это было воспоминание о будущем! В котором я виделся себе исключительно на первом плане, в окружении настоящих героев «культурного сопротивления». Даже

не таких, как Борис и Антон, – куда более героичных!

– Вот, чувак Галилей, – говорил он мне, попыхивая «беломориной», – какой смысл в этой картинке? Не очень понятно, ведь так?

Я поспешно согласился.

– А зачем вообще и понимать-то это? Искусство, оно, чувак, вовсе не для того, чтобы его понимали. Оно как часть природы, часть того, что само вокруг нас растет и происходит. Как говорил Пикассо – вот растет дерево, пытайся понять его! Или – не пытайся понять мою картину. Согласен?

Я столь же поспешно кивнул, хотя моего согласия Борису особо не требовалось, он рассуждал как бы сам с собой.

– Вот в чем все эти реалисты, передвижники, прочие приближенные к народу «типа-художники» – я их так называю, типа-художники, чувак, ерундисты, земляные, если вдуматься, черви – в чем они уверены? В том, что живопись – она как фотоаппарат или зеркало, только красивее. А значит, нужно найти такую точку, в которой отражение будет самое-пресамое. Это все равно как с эрогенными зонами, нажал «точку жэ» – и баба твоя, что хочешь, то и делай. Так?

Покраснев, я торопливо кивнул.

– Но искусство – не баба, тут все куда тоньше, – продолжал размышлять вслух Борис. Вообще, эта его обстоятельность, равно как и плотность телосложения, уж не говоря о бороде, позволяли его отнести к разряду «Митьков» – наших русских дервишей. Антон же, кстати, походил более на обоб-

ценного западного культур-деятеля, в частности – на Уорхола и Боуи в одном лице. – И в итоге они всякие поиски прекращают и думают только об одном – как бы найти не универсальное, но самое прикладное, то, что нравится публике. Одной – одно, другой – другое, а где критерий? А критерий там, где лучше кормят. Такой публике и надо нравиться. А что в итоге? Льстить начальству в доступной для него форме, вот и все, что они могут. А мы – мы совсем другое. Мы жизнь, чувак, отдадим за поиск главного, единственного. Не знаю, выйдет или нет, но мы добьемся другого искусства! Или все это не имеет смысла. Я прав?

Конечно, он был прав. Это было так заманчиво, да более того – необходимо, ставить все на карту, и в случае, если эта карта будет бита, лишаться всего. Зато о возможном выигрыше можно только догадываться, ибо он, судя по всему, будет немал. Или даже безграничен.

Однако обдумать все захватывающие перспективы разрешения данного вопроса я не успел. В старую, рассыхающуюся дверь мастерской-склада постучали и, не дожидаясь ответа, немедленно ее приотворили. Я тут же забыл о своих рассуждениях, или, вернее, они крепко увязались у меня с тем, что, как я увидел, находилось за дверью и намеревалось попасть вовнутрь. Или с кем... В общем, к нам стучались две девицы, как сразу выяснилось, одна другой краше. Одна – блондинка в белой вязаной шапочке и черной мутоновой шубе, едва не достигающей пола. Другая – брюнетка

в башнеобразном песце на голове и широком пальто с песцовым же свисающим воротником. «У матери позаимствовала», – подумал я.

– Привет, мальчики! – сказала кокетливая брюнетка. Казалось, у матери, должно быть такой кругленькой, низенькой продавщицы магазина или приемщицы химчистки, она разжилась и своими манерами, развязностью прежде всего. Плюс привычкой говорить обо всем и ни о чем, рассчитывая, конечно, не на смысл своих слов, а на ужимки, подмигивания, подергивания плечиком и все такое. Скажу сразу, что такая манера меня всегда в женщинах возмущала чрезвычайно. Потому, в частности, что казалась чем-то специфическим, просто частью физиологии. А физиологичность, тут я говорю твердо и однозначно, вообще есть то, что совершенно противно роду человеческому.

Блондинка скромно улыбнулась. Эта-то милая улыбка и взяла меня, что называется, за сердце сразу и бесповоротно.

– А, здорово, девахи, – довольно равнодушно сказал Борис. – Чего, Антона ищете? А нет его, и черт знает, когда будет...

– И где же это он бродит? – спросила, конечно, брюнетка.

– Да, поди, с доступными женщинами конторится, – ответил Борис, не вынимая изо рта папиросы. – Кстати, давайте проходите, раз пришли. Милости прошу. Сейчас с юным гением буду знакомить.

– Ой, как интересно! – пискнула брюнетка, срывая с головы своего песка и шагая к нам. Блондинка нерешительно застыла на пороге, даже покраснев.

– Давай, Танька, не стесняйся, – воскликнула брюнетка (звали ее, как тут же выяснилось, Матильдой – дурацкий, декадентский как бы, псевдоним! – на самом деле Лена), – не съедят здесь тебя и не поймут.

– Это как сказать, за это я не ручаюсь. – рассудительно молвил Борис, – всякое может быть, но, конечно, не сразу. Поговорим сначала. Правда, Галилей?

Я, покраснев, вскочил, вновь ощутив всю нелепость своей глистообразной фигуры, подпирающей низкий потолок.

– Проходите, пожалуйста!

– Ой, да тут такие вежливые... – замурлыкала Матильда, расстегивая свое пальто. – Танька, этот чур мой. А?

Она только плечами пожала, аккуратно сняв свою шубу и пристроив ее на относительно чистое место – один из верстаков, застеленный свежими газетами (их принес я). Таня осталась в шапочке, чудесно шедшей к вязаному комплекту – свитеру и юбке ниже колен, нежно-кремового цвета.

Познакомились (девушки оказались студентками пединститута, Таня – иняза, Матильда – дошкольного воспитания). Стали пить крепкий чай из железных кружек. Матильда все подмигивала мне, вводя в большое смущение и, как видно, наслаждаясь этим. Борис наблюдал за происходящим, ухмыляясь и доя свою бороденку. Таня была грустна и почти

не поднимала глаз, вгоняя тем самым, образно выражаясь, свой облик все глубже и глубже мне в сердце. Потом девушки отправились по домам, я хотел увязаться за ними, но как-то застеснялся. Договорились, впрочем, встретиться снова и уже не с пустыми руками – с меня, как сказала Матильда, причиталась бутылка за знакомство с такими красавицами. Я не возражал – к Новому году мой дядя, по отцу, моряк дальнего плавания, прислал лично мне бутылку гаванского рома. Мать, повертев в руках, хотела было отобрать, но отец отстоял – пора, мол, парню приобщиться к хорошим напиткам, не все ж портвейн по углам хлестать. Я-то знал, что он рассчитывал эту бутылку у меня как раз на Новый год изъять как предмет, такому недотепе, как я, совершенно не нужный. (Довольно давно отец разочаровался во мне, считая, что такого отпрыска у него, гуляки и красавца мужчины, быть просто не может, подменили, знать, в роддоме, подсунув дохлого интеллигента.) Я злорадно решил, что утащу ром в мастерскую и там его разопью с новыми друзьями.

Когда девушки ушли, я, подражая Борису, закурил папиросу (и даже мужественно выдержал мощный накат горького дыма, ударившего в небо и нос) и спросил его о гостях.

– А тебя что конкретно интересует? Дают – не дают? Это смотря кому. Не, в точности не знаю, именно про этих, мы и познакомились недавно, да и молодые они еще, но уж таково общее правило. Я б Матильду раскрутил, а тебе, поди, Танька понравилась? Смотри, она за Антоном бегают,

а у него на пути не стой.

– А что еще такое? – спросил я довольно спесиво. – Его, что ли, собственность?

Борис задумчиво посмотрел на меня.

– Ну, собственность, может, не его, я вообще за то, чтобы баб общими сделать, тут я коммунист, – но шпателем полоснуть может. Бывали случаи. Не насмерть, но след на роже останется, причем навсегда.

Внутренняя дрожь прошла по мне. Не то чтобы я боялся этого психопата Антона, но слишком памятен был случай в летнем лагере четыре года назад. Мы ездили с классом на так называемую сельхозотработку, жили в пионерском лагере, занимая два больших дома. Что творилось там внутри, об этом я умолчу, скажу только, что мне по полночи приходилось торчать на крыльце – это однокласснички деликатно просили подождать. Вдобавок к этому, в лагерь повадились местные, деревенские. Так как я был на голову выше всех прочих, то немудреные аборигены заподозрили во мне главного. В результате этого я получил удар ножом в плечо. Удар, надо сказать, легкий, почти порез – только для предупреждения и для разминки. Но дело могло бы пойти и куда дальше, ночь была в разгаре, беседа с деревенскими только начиналась. Отбил меня наш физрук, обычно в лагере и не ночевавший, но в ту ночь, на мое счастье, рано возвращавшийся от своей деревенской подруги. Видел я ее потом – огромная, белая, такой типаж детсадовской поварихи

с грудью, норовящей заполнить алюминиевую кастрюлю для борща... Да, я таких боюсь как раз с того самого детского сада, а физрук, маленький, сухонький мужичок, вот не испугался. Теперь подробнее.

Я стоял на открытой деревянной веранде, почти упираясь головой в потолок, горбясь по обыкновению. Веранда была крашена масляной краской в синий цвет, быстро, конечно, облупившийся, – вот я и обдирал оставшуюся краску в задумчивости и тоске. Время отбоя миновало, но идти в домик, где развлекались мои развитые одноклассники, мне решительно не хотелось. (Кстати, думаю, что эти развлечения были относительно невинными, во всяком случае, куда менее неприличными, чем представлялось мне.) Было не понятно, что делать дальше. Не до утра же стоять. Поэтому незванным гостям я даже обрадовался, несмотря на весь ужас их появления. А оно было обставлено очень даже эффектно, по-оперному.

Подшли, словно вынырнули из ниоткуда, из редких огней, дрожащих на невысоких фонарных столбах по периметру лагеря, четверо невысоких парней. По виду – дутым нейлоновым курткам (еще не безрукавкам, те войдут в моду через сезон), лыжным шапочкам в разгар лета, резиновым при этом сапогам черного цвета, имеющим идеалом армейские «прохаря», начищенные до блеска, – стопроцентно местные. Они молча поднялись на веранду и совершенно целенаправленно подошли ко мне, окружили, будто проделали

весь неблизкий путь от деревни специально ради этого. Я застыл, не зная, что предпринять. Нечаянную радость сменил стопроцентный ужас, сковавший, как обычно в стрессовые моменты, меня по рукам и ногам. Да и толку от них, необученных, все равно было бы немного!

На шаг вперед выдвинулся самый маленький, достающий мне своим трикотажным гребешком разве что до подбородка. Это, конечно, был, по их мнению, особо изощренный тип унижения – нападение сильного маленького на слабого большого. От моего обидчика пахло каким-то отвратительным алкоголем, уже основательно перебродившим.

– Ну ты, длинный, это, что ли, ты тут самый борзый?

Отвечать что-либо было просто глупо, да никто и не рассчитывал на ответ.

– Чего молчишь? Испугался, да?

Тут же один из стоящих чуть сзади сделал ловкий выпад – ткнул меня лезвием в правое плечо. Это было совсем не так, как ставят уколы. Уколы даже больнее, но это, наверное, потому, что ты их ждешь, придумываешь себе боль заранее. А здесь, не ожидавший удара, я ничего не почувствовал в первый момент, во второй – стало горячо, а сразу же за этим – очень мокро. Это потекла кровь, но я не сразу это понял – что, подумал, за непонятная, стыдная какая-то жидкость? Потом понял и испугался еще больше, хотя за секунду до этого казалось, что пугаться больше некуда. Все части тела, еще не промокшие насквозь, покрылись холодными му-

рашками.

– Это раз, – с удовлетворением наблюдая мою крупную дрожь, сказал самый маленький. – Щас будет еще.

– Это что тут такое? – раздался бодрый голос физрука. – А ну пошли вон, щенки!

Он ловким чертом вскочил на веранду, держа в руках толстую палку. То ли оценил ситуацию с ходу, то ли всегда имел при себе инструмент самообороны. Очень разумно! Ворча, и в самом деле как какие-то бродячие собаки, деревенские покинули поле боя. Впрочем, они были вполне удовлетворены исходом дела. Смертоубийство со всеми последующими неприятностями не входило в их планы. Хотя кто знает! Вид крови мог раззадорить хотя бы одного из них, и уж тогда нож точнехонько вошел бы между ребер или, по крайней мере, перерезал аорту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.